

Я. Г. Шемякин³

ПАРАДОКС СОХРАНЕНИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ В УСЛОВИЯХ ДОМИНАНТЫ МНОГООБРАЗИЯ. О ЗНАЧЕНИИ ОПЫТА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО «ПОГРАНИЧЬЯ» ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Определяющая черта современной ситуации в мире — перевод всех существующих к настоящему времени человеческих сообществ в неустойчивое, переходное, «пограничное» состояние. Главная его характеристика — нарушение целостности духовных оснований всех цивилизаций планеты и доминанта культурного многообразия, которое повсеместно начинает преобладать над принципом единства социокультурных систем или по меньшей мере ставит его под вопрос. Массовые миграционные потоки — один из главных факторов, обуславливающих подобное положение дел, и одновременно одно из основных его внешних проявлений.

Та черта, которая определяет специфику современной «пограничной» ситуации в мире (преобладание начала многообразия над началом единства), является главной отличительной особенностью цивилизаций «пограничного» типа на всем протяжении их исторического существования. При этом социокультурные системы этих цивилизаций парадоксальным образом сохраняют целостность в условиях доминанты многообразия. Поэтому опыт цивилизационного «пограничья» приобретает особое значение в нынешних условиях «фронтиризации» («опограничивания») смыслового пространства практически всех ныне существующих культур.

В цивилизационных системах «пограничного» типа нет какой-то одной господствующей большой идеи, пронизывающей (как в классическом типе, объединяющем великие цивилизации Востока и Запада) все многообразие составляющих цивилизацию элементов и выступающей в качестве архетипа, положенного в ее основу. В цивилизационном «пограничье» само взаимодействие разнородных начал можно рассматривать

как базовый архетип. В данном случае архетип предстает не как *результат* взаимодействия, ставший его инвариантным фактором, «отлитый» в определенные устойчивые символические формы, а как *процесс* взаимодействия. Сама действительность «пограничных» цивилизаций представляет собой сложнейший узел различных типов взаимодействия качественно разнородных традиций, главными из которых являются противостояние, симбиоз и синтез культур. В цивилизационном «пограничье» основную роль играл и играет симбиотический тип взаимосвязи и взаимодействия разнородных составляющих цивилизационного целого. Специфика симбиоза — в том, что участники контакта уже соединены здесь неразрывной системной связью, однако при этом каждый остается самим собой, а нового культурного качества, качественно отличного от тех традиций, которые изначально вошли в соприкосновение, не возникает. В контексте рассматриваемой темы это означает, что каждый участник взаимодействия в рамках симбиоза сохраняет собственную идентичность, а «пограничная» реальность предстает в этом ракурсе как переплетение разных идентичностей, вырастающих из различных корней.

Самый главный парадокс действительности цивилизационного «пограничья» заключается в том, что в условиях доминанты многообразия единство тоже вполне реально. Значит, реально существует и общая идентичность «пограничной» цивилизационной системы как целого, несводимая к сумме идентичностей взаимодействующих в ее рамках традиций. Перед любым исследователем «пограничной» реальности неизбежно встают два вопроса. Во-первых, как возможно существование какой бы то ни было системности, единства при доминанте многообразия? Во-вторых, если такая системность все-таки существует, в чем ее отличительные особенности?

Определяющим фактором достижения целостности *suī generis* в условиях цивилизационного «пограничья» стал особый характер взаимосвязи сторон тех острейших противоречий, из которых буквально соткана ткань «пограничного» социокультурного бытия. Аверинцев очень точно, на мой взгляд, определил его как «взаимоупор»⁴. Каким же образом достигается и как проявляется подобный «взаимоупор»? Для «пограничных» цивилизаций характерны одновременно повышенная (по сравнению с «классическим» цивили-

³ Главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, доктор исторических наук. Автор более 220 научных публикаций, в т. ч. книг: «Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории», «История мировых цивилизаций. XX век», «В поисках смысла. Из истории философии и религии», «Латинская Америка: традиции и современность» и др.; статей: «Spatial-Temporal Framework of the Process and Main Contours of the Semantic Field of the Concept of Globalization», «Пространственно-временные рамки процесса и основные контуры смыслового поля понятия глобализации», «Взаимосвязь универсального и локального в глобализирующемся мире», «Глобальное, универсальное, локальное: соотношение понятий и соотношение реальностей» и др.

⁴ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997. С. 250, 252.

зационным типом) роль внешних факторов, бóльшая проницаемость для внешних влияний (что является прямым следствием отсутствия монолитной духовно-ценностной основы в условиях доминанты многообразия) и повышенная (опять же по сравнению с классическими цивилизациями) способность к переработке этих влияний в соответствии с логикой местной социокультурной «почвы», в конечном счете — к превращению внешнего во внутреннее. Следует особо подчеркнуть: обе эти характеристики одинаково органичны для «пограничной» цивилизационной реальности и служат основой для противоположных тенденций — стремления к максимальной открытости миру и ревностной защите собственной самобытности. Подобное сочетание, «взаимоупор» противоположных ориентаций сознания и поведения, оказалось возможным, в свою очередь, в силу наличия такой характеристики цивилизационных «пограничій», как повышенная (по сравнению с классическими цивилизациями) проницаемость внутренних границ в культуре, пролегающих в условиях подобных «пограничій» не только между отдельными индивидами и человеческими общностями, носителями тех или иных традиций, но и в душах людей.

Наличие качества повышенной проницаемости внутренних границ в культуре, в свою очередь, обусловлено формированием в духовном космосе «пограничных» цивилизаций еще одной важнейшей характеристики — повышенного уровня оперирования знаковыми структурами различного происхождения и характера, прежде всего сакральными символами. Оперировать знаковыми структурами не могут общность или социальный институт. Это может делать только живой человек. В силу этого обеспечить повышенный уровень оперирования подобными структурами оказалось возможно лишь в случае кардинального изменения (по сравнению с субэкуменами) соотношения различных уровней развертывания цивилизационного процесса — личностного (индивидуального) и надличностного.

Как было установлено в ходе цивилизационных исследований, разница между ними относительна: надличностный пласт — нормативно-ценностная база цивилизации наличествует в любом человеке. В цивилизациях классического типа именно он является основой целостности личности. Здесь находит одно из главных своих проявлений доминанта принципа единства.

Однако личность несводима к этой основе. В любом человеке имеется определенное «пространство свободы» по отношению к господствующим нормам и ценностям, некий «несводимый остаток», собственно индивидуальный пласт, который и определяет неповторимое своеобразие каждой личности. Для цивилизационного «пограничья» характерно принципиально иное, по сравнению с классическими цивилизациями, соотношение между надличностным и собственно индивидуальным уровнем в структуре самой личности. Крайне противоречивое сосуществование качественно различных, в том числе прямо противоположных, ценностно-смысловых ориентаций, отличающее реальность «пограничных» цивилизаций, обуславлива-

ет то обстоятельство, что воплощающий общепринятые, официально утвержденные установки нормативно-ценностный пласт в личности «пограничного» типа, по общему правилу, ослаблен, поэтому его интегративные потенции явно недостаточны для того, чтобы обеспечить ее духовную целостность.

В подобной ситуации решающее значение приобретает тот самый «несводимый остаток» в человеческой индивидуальности, который становится главным фактором достижения ее целостности. Достичь более высокого, чем в «непограничных» человеческих мирах, уровня оперирования знаковыми структурами различного происхождения и характера можно было лишь в «пространстве свободы» личности. Учитывая то, что говорилось выше о специфике соотношения личностного и надличностного уровней цивилизационного процесса в социокультурном «пограничье», это «пространство свободы» следует рассматривать как первичный и в этом смысле ключевой фактор достижения целостности «пограничной» цивилизационной системы.

Перечисленные качества непосредственным образом обуславливают специфику идентификационной сферы цивилизационного «пограничья». Идентичность может проявляться в различных образах и символах, в которых фиксируется найденный той или иной общностью путь решения ключевых экзистенциальных проблем-противоречий. Как свидетельствует исторический опыт, разные образы идентичности могут в различной степени соответствовать состоянию идентичности, в разной мере отражать и проявлять это состояние. То есть образ идентичности и идентификационный стержень — инвариант — могут в бóльшей или меньшей степени совпадать или не совпадать друг с другом. Однако практически всегда между ними существует некий «зазор». В цивилизационном «пограничье» он особенно велик: общая доминанта многообразия проявляется и в многообразии образов идентичности. Важно отметить, что может возникнуть и действительно возникает противоречие между образом идентичности и идентификационным стержнем, в результате чего появляется необходимость приведения образа в соответствие с реальностью идентичности.

Важнейшая характеристика «пограничной» системности — относительное свободное оперирование знаковыми структурами различного происхождения и характера, которое, как было показано ранее, обеспечивает повышенную проницаемость внутренних границ в культуре, прямо обуславливает тенденцию цивилизационных «пограничій» к относительно частой смене образов идентичности. К примеру, и знаменитые «пять России» Н. А. Бердяева, и «девять России» И. В. Кондакова, и различные проекты устройства латиноамериканской жизни у Л. Сеа¹ — все это именно различные образы идентичности российской и латиноамериканской цивилизаций, сменявшие друг друга при неизменности идентификационного стержня — процесса взаимодействия разнородных начал, ставшего архети-

¹ Сеа Л. *Философия американской истории*. М., 1984; Бердяев Н. А. *Истоки и смысл русского коммунизма*. М., 1990. С. 67; Кондаков И. В. *Введение в историю русской культуры*. М., 1997. С. 29.

пом — постоянным фактором существования данных цивилизаций.

Главные выводы, которые можно сделать на основании изучения опыта цивилизационного «пограничья» и которые имеют, по моему убеждению, принципиальное значение для понимания проблемы столкновения различных систем ценностей в условиях мас-

совых миграционных потоков: во-первых, возможно достижение единства социокультурной системы в условиях доминанты многообразия, предполагающей сохранение основ идентичности всех участников взаимодействия; во-вторых, возможно сохранение идентификационного стержня при относительно частой смене образов идентичности.